

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ СТЕНОГРАММ ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЙ БУНДЕСТАГА ФРГ И ГОСДУМЫ РФ)

Константинова А. С.

ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», Пятигорск, Россия (357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9а) e-mail: konst_2002@rambler.ru

Представлен анализ немецко- и русскоязычной публичной парламентской речи. Учитывались лингвокультурологические и прагмасоциолингвистические характеристики парламентского дискурса и коммуникативно-прагматические и функционально-стилистические характеристики языковых средств общения. В Бундестаге ФРГ и в Госдуме РФ публичная парламентская речь обращена к широкому кругу адресатов, присутствующих на заседании и находящихся вне парламента, конкретных лиц или партийных/фракционных групп. Речевое взаимодействие между участниками разворачивается по принципу конфронтации/солидаризации. Согласование позиций происходит в процессе устного диалога (полилога). Речевые действия ритуализованы; высказывания продуцируются в информативном (доклад), аргументативно-аналитическом (выступление) и аргументативном (дискуссионное выступление, вопрос, реплика) жанрах, в официально-деловом и публицистическом стилях. В незначительном числе случаев – не более чем в 3 % высказываний – наблюдается нарушение парламентских ритуалов. Убеждение политических оппонентов путем использования идеологем, оценочной лексики, тропов, стилистических фигур, риторических (в том числе – полемических) приемов ведет к синкретизации стилей (в обоих случаях – до 16 %). Выбор воздействующих средств в немецкой и русской публичной парламентской речи одинаково обусловлен мировоззрением, этнонациональными ценностными системами, разделяемой или чуждой системой идеологических, духовных и культурных ценностей. Индивидуализирующими признаками являются особенности национальных парламентских ритуалов и речевого этикета, а также системно-структурные особенности немецкого и русского языков.

Ключевые слова: сопоставление, публичная парламентская речь, ритуал, жанр, стиль, воздействие.

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC AND FUNCTIONAL-STYLISTIC CHARACTERISTICS OF THE GERMAN AND RUSSIAN PUBLIC PARLIAMENTARY SPEECH (PLENARY MEETINGS OF THE BUNDESTAG AND THE STATE DUMA)

Konstantinova A. S.

Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russia (357532, Pyatigorsk, prospect Kalinina, 9a), e-mail: konst_2002@rambler.ru

The analysis of the German and Russian public parliamentary speech is presented. The linguistic, cultural, pragmatic and sociolinguistic characteristics of the parliamentary discourse and functional stylistic characteristics of the German and Russian public parliamentary speech were investigated. Both in Bundestag and the State Duma the public parliamentary speech is aimed at a wide range of addressees - politicians, present in the house and people elsewhere, who are concrete persons or representatives of political parties and fractions. Speech communication between them is carried out according to the principles of solidification and confrontation. The process of deliberation has the form of oral dialogue. Their speech actions are ritualized. The utterances are produced in the informative (report), argumentative-analytical (discussion on a report) and argumentative (inquiry, retort) genres, belonging to official, business and journalistic styles. In the process of persuasion of political opponents the ideologically marked and evaluative words, emphatic structures, tropes, stylistic and rhetoric figures and polemics are used. Their wide use can result in the hybridization of the functional styles. The choice of the means of persuasion by the German and Russian public speakers equally correlates with the specific features of their world outlook, shared or ethno-nationally specific systems of ideological, moral and cultural values. The individualizing features are peculiar features of the national parliamentary rituals and speech etiquette, systemic peculiarities of the German and Russian languages.

Key words: comparative, public parliamentary speech, ritual, genre, style, persuasion.

Современный политический дискурс разворачивается в разных сферах коммуникативного пространства, в частности, в парламенте. Регламент парламента как демократического социального института предопределяет тот факт, что вербальная коммуникация в Бундестаге ФРГ и в Госдуме РФ может происходить в ситуациях аппаратного, кулуарного и публичного общения. Доступной для непосредственного наблюдения коммуникативно-прагматических ситуаций ее продуцирования и лингвистического изучения является публичная парламентская речь. Цель настоящего исследования заключается в сопоставлении материалов пленарных заседаний Бундестага ФРГ и Госдумы РФ и выявлении универсальных и национально-специфичных коммуникативно-прагматических и функционально-стилистических характеристик функционирующих здесь жанров. В исследовании применялся комплексный метод, включавший дискурсный, контекстуальный, лингвистический, лингвориторический и сравнительно-сопоставительный анализ.

В ходе исследования установлено следующее. В Бундестаге ФРГ и в Госдуме РФ публичная парламентская речь ритуализована, продуцируется в основных жанрах доклада, выступления, вопроса и реплики и обращена к широкому кругу адресатов, присутствующих на заседании и находящихся вне парламента, конкретных лиц или групп, поименованных, указанных косвенно или подразумеваемых. Случаи нарушения парламентских ритуалов наблюдаются в незначительном числе случаев – в не более чем 3 % высказываний – как в немецкоязычных, так и в русскоязычных стенограммах пленарных заседаний парламента.

Обсуждение законопроектов и согласование позиций участников – делиберативный процесс публичной парламентской деятельности – реализуется в форме устного диалога (полилога). Речевое взаимодействие разворачивается по принципу конфронтации и солидаризации адресантов и адресатов. Презентация адресантов в публичной парламентской речи означает референцию не только к личности самого выступающего, но к отражаемой им позиции соответствующей группы (к «коллективному адресату»). Адресанты публичных выступлений в обоих парламентах используют разнообразные языковые средства и формы самопрезентации и презентации позиций представляемых ими комитетов и фракций. Адресация в немецкой публичной речи более конкретна, чем в русской. В Бундестаге речевые действия участников пленарных заседаний также несколько более четко регламентированы, чем в Госдуме РФ (разница составляет не более 3 %). Регламентированность парламентской речи процедурами публичного общения в обоих случаях выражается в приоритете официально-делового стиля; в некоторых материалах наблюдается сочетание официально-делового и публицистического стилей; в еще более редких случаях преобладают признаки текстов художественно-литературного стиля. Вместе

с тем проведенное наблюдение позволяет отметить, что в парламентской публичной речи носителями как немецкого, так и русского языка используется не особый «парламентский» или «политический» язык или «субязык», как это утверждают отдельные отечественные и зарубежные исследователи, а один из вариантов национального общелитературного языка.

При сопоставлении немецко- и русскоязычных высказываний в структурно-грамматическом оформлении речи и в лексиконе обнаруживается преимущественно сходство и некоторые различия. Основным информационным жанром публичной речи в Госдуме РФ и Бундестаге ФРГ является *доклад (со доклад)*. Речь докладчиков и со докладчиков по своей форме и содержанию наиболее соответствует представлению о парламентском регламенте, норме/стандарте. В отличие от других жанров публичной речи доклады, представляемые на пленарные заседания, имеют письменную основу. Они построены по четкому плану, содержат, в основном, предметно-логическую информацию и эмоционально нейтральны. Как немецко-, так и русскоязычные доклады соответствуют стандарту официально-деловой информирующей повествовательной речи.

Жанр *выступления* реализуется в форме *выступления с трибуны и выступления с места*. В содержательном аспекте выступления с трибуны имеют четкую логико-смысловую основу, а в их композиционной организации широко используются приемы аргументации: выдвижение и опровержение тезисов, умозаключения, доводы и выводы. Содержание выступления предварительно обсуждается на заседании комитета/фракции и осуществляется по списку, который согласовывается с председательствующим. Выступление, в отличие от доклада/со доклада, как правило, не зачитывается, а воспроизводится по памяти. Также в отличие от докладов *выступления* носят характер аргументативно-аналитических рассуждений.

Выступления в ходе парламентских дискуссий могут носить чисто аргументативный характер. В дискуссионных выступлениях в Бундестаге и в Госдуме центр тяжести составляют аргументы и доводы, привлекаемые для доказательства тех положений, которые продуцент речи считает бесспорными, а его оппонент отвергает. Широко используются разнообразные средства интенсификации и экспрессивизации, риторические и полемические приемы. Наблюдается синкретизация официально-делового и публицистического стилей; иногда по своим стилистическим характеристикам дискуссионная речь может сближаться с художественной.

В сознании большинства носителей языка понятие о парламентской речи ассоциируется с парламентскими дебатами. Термин *дебаты* используется в теории дискурса и в политлингвистических исследованиях текста для обозначения одного из типов дискуссионных речевых действий. Существует довольно значительное число исследований,

посвященных парламентским дебатам разных стран. В России, в отличие от Германии, существует закон об обязательности дебатов парламентских фракций, но происходить они должны вне парламента. Более рекуррентным, чем *дебаты*, в немецком парламенте является термин *Diskussionsrede*, а в российском – *прения*.

Жанры *реплики* и *вопроса*. В репликах и вопросах участников парламентских заседаний речь продуцируется спонтанно. Четко проявляется намерение эффективно и настойчиво воздействовать на слушателей [6]. С этой целью используются разнообразные средства интенсификации и экспрессивизации высказываний: модальные и оценочные слова, тропы, стилистические фигуры, риторические приемы. В этих жанрах преобладает воздействующая функция, реализуемая посредством высказываний аргументативно-аналитического, аргументативного и чисто эмоционального характера; черты публицистического стиля обычно преобладают над официально-деловым стилем. Восклицания, императивы, образуемые с помощью повелительных форм глагола, эксплицитные оценки и эмоциогенность сближают эти жанры с обиходно-разговорной, а иногда – с художественной речью. Все формы участия в работе парламента, не предусмотренные процедурой, Элих и Ребайн назвали «*дисфункциональными*» моментами парламентского дискурса [7]. Мотивы могут быть неоднозначны. Так, если ритуалы нарушают председательствующие, это может свидетельствовать об отсутствии между ними и остальными участниками заседания психологического барьера. Но Буркхардт считает, что это «*Zwischensignale*» – «*промежуточные сигналы*», фиксирующие переход от институциональной монологической коммуникации к спонтанному диалогу [6]. Возвращение к ритуалу восстанавливает этот барьер.

В Госдуме РФ подобные ритуалы нарушаются несколько чаще, чем в Бундестаге; председательствующие используют для наведения порядка эмоционально окрашенные лично ориентированные обращения, замечания оценочного характера и императивы: *Депутат Багдасаров, видимо, вам мало конфликтных ситуаций в палате, вы хотите их число увеличить. Нашли нормальное решение: в 16 часов будет рассматриваться этот вопрос – чем вам это мешает?*

При изучении речевого поведения участников парламентского дискурса в их речи обнаруживается вербализуемая или косвенно присутствующая оппозиция «Свой – Чужой» [8;4]. Цели публичной парламентской речи обуславливают ее состязательность и сильное критическое начало, что в отдельных случаях ведет к категоричности, а иногда – безапелляционности высказываемых суждений. В своей основе диалогическая речевая деятельность парламентариев – это двусторонне направленная персуазивная работа по убеждению политических оппонентов. Участники пленарных заседаний Бундестага ФРГ и

Госдумы РФ принадлежат к разным политическим партиям и социальным группам; это политики с различными ценностными и идеологическими установками. Именно поэтому парламентские ритуалы могут нарушаться, а речевое взаимодействие – разворачиваться по принципу конфронтации. Цели участников парламентского дискурса, как отмечает Фуко, иногда реализуются через «словесные битвы» [5]. Напряженные, возмущенные или критически обостренные отношения «Свой – Чужой» участников парламентского дискурса могут разрешаться посредством так называемых «сильных» слов, тропов и фигур речи, эмфатических конструкций и восклицаний. Оценочные определения позиций «Чужих», как отмечал еще Бодуэн де Куртене, могут быть не только экспрессивными, «выпуклыми и выпирающими», но даже взрывающимися [1]. К таким «взрывным» языковым единицам могут быть отнесены прозвища, которые иногда дают друг другу ораторы в пылу полемики. Влияние негативных эмоций на выбор «непарламентских» средств выражения проявляется через грубые метафоры, оскорбительные эпитеты, неправомерные сравнения, дерзкие аналогии, аномальную гиперболизацию. Возрастание удельного веса неформальной лексики в ходе дискуссий свидетельствует о наличии «болевых точек» не только в депутатском корпусе, но в обществе в целом.

В качестве средств, косвенно указывающих на отношение ораторов к обсуждаемым темам, используется ряд словесных маркеров – лексико-фразеологических единиц и структур, которые могут быть подразделены на несколько групп:

- маркеры психоэмотивных состояний субъектов речи;
- маркеры социально-групповой и профессиональной составляющей личности субъектов речи;
- маркеры мировоззренческой (идеологической) и интеллектуальной составляющих личности субъектов речи;
- маркеры национальной, возрастной, профессиональной и гендерной составляющих личности субъектов речи.

Корреляция коммуникационных целей публичной политики и языковых средств общения наблюдается наиболее отчетливо в области лексики. Как русской, так и немецкой публичной парламентской речи в целом свойственна экспрессивность; в регламентах обоих парламентов строгих ограничений на выражение эмоций, имеющих запретительный характер, нет. Однако, как отмечал Й. Л. Вайсбергер, там, где в языковых выражениях преобладают эмоции, редуцируется участие интеллекта и роль языка как инструмента интеллекта, в результате чего человек не поднимается над инстинктами; в нормальной практике общения эмоциональное должно отступать на второй план перед интеллектуальным [2]. Экспрессивность как немецкой, так и русской публичной

парламентской речи достигается за счет использования слов и словосочетаний, выражающих разного рода оценки: эмоциональные, логические, идеологические, прагматические, эстетические, нравственные, например:

Herr Binding, Sie haben einen Artikel aus der Zeit zitiert – das empfand ich wirklich als einen ganz billigen Taschenspielertrick;

Уважаемый Олег Викторович, нельзя вводить порочную практику.

Наиболее частотными стилистическими приемами являются:

гиперболы: *Recht auf Kinder, liebende Eltern* и *загнавших полстраны в долговую яму, отбирать у людей последнее;*

метафоры: *willen auf die Welt zu kommen, жирные обнаглевшие динозавры – о банкирах;*

сарказм: *Stimmen Sie vor diesem Hintergrund zu, dass es sinnvoll wäre, diese Module in Deutschland herzustellen, dass aber nicht sinnvoll wäre, sämtliche hergestellten Module hier zu installieren?;*

ирония: *Коллега Коломойцев, соблюдение приличий – не исключительная прерогатива членов фракции «Единая Россия»;*

аллюзии: *жирными котами называть не надо, – зачем кошек оскорблять?;*

эмфаза: *Noch so, Когда же;*

антитеза: *Es gibt kein Recht auf Kinder. Aber es gibt sehr wohl ein Recht der Kinder...;*

Сейчас я иду в суд, а вы пойдете в буфет – это справедливо разве?;

каламбур: *Если мы выведем своих сторонников, а это десятки миллионов, – всё, это будет уже не «оранжевая революция», а вторая Октябрьская.*

Неологизмы: *Neidsteuer – налог зависти.*

В ходе дискуссий повышение эмоциональной напряженности выражается в увеличении числа восклицаний, риторических вопросов и императивов: *Спросите людей, выйдите на любую улицу, зайдите в любой дом – из десяти девять вам будут плевать в лицо: вас вся страна ненавидит! Поэтому лучше молчите, пока мы с Зюгановым чуть-чуть подобрае к вам относимся. (Смех, оживление в зале.) Как только разозлите – вам конец!*

Наряду с оценочной лексикой и фразеологией в публичной парламентской речи отмечены также группы слов и словосочетаний, несущих положительные/отрицательные оценочные коннотации. Употребление слов и словосочетаний, выражающих оценку, как и слов и выражений с оценочными коннотациями мотивировано желанием говорящего управлять эмоциями и интеллектуальным процессом адресата, т.е. и нацелено на эмоциональное и интеллектуальное воздействие [9]. С функциональной точки зрения такие единицы являются прагматонимами – единицами языка, предназначенными для выполнения

прагматической функции. Негативная оценочность прагматонимов может базироваться на противопоставлении обозначаемого понятия общечеловеческим ценностям. Это слова *Terrorist* – террорист, *Rassismus* – расизм, *totalitär* – тоталитарный, *Blockadepolitik* – политика блокады, *Steuerlüge* – налоговые махинации, *Unrechtsstaat* – неправовое государство, *Trickserei* – обман, надувательство. Среди таких слов, выражающих резко отрицательные оценки, особо выделяются лексические единицы, имеющие целью снижение интеллектуального и нравственно-этического статуса оппонента: *Wahnsinn* – безумие, *gefälscht* – подложный, фальшивый, *Unwahrheit* – неправда, ложь, *Prinzipienreiterei* – буквоедство, *ideologische Borniertheit* – идеологическая ограниченность, *den Ruf beflecken* – запятнать репутацию, *lärmten* – скандалить, *bestechen* – подкупать. Особого внимания заслуживают идеологемы – эмоционально маркированные слова и словосочетания, которые обозначают понятия, относящиеся к идеологии. Идеологемы публичной парламентской речи обладают мировоззренческой, ценностно-ориентационной и регулятивной функциями. К таким единицам принадлежат слова *честность*, *справедливость*, *мораль*, *моральные принципы*, обозначающие непреходящие ценности. Неопределенность денотативного значения идеологемы способствует созданию у адресата речи иллюзии ее понимания, что может использоваться с целью речевой манипуляции. Поэтому оценочный смысл таких слов, как *рабочий*, *социал-демократ*, *товарищ*, *предприниматель*, *капиталист*, *нацифист*, как и их немецкие эквиваленты следует интерпретировать в контексте определенной идеологической системы. Различие идеологических ценностей, социального устройства и социальных норм и стандартов, как и смена политического курса или государственного устройства страны ведут к изменению знака идеологической оценки.

Как в немецкой, так и в русской публичной парламентской речи используется несколько разновидностей идеологем. Одна из них – *политические* (идеологические) *клише* или шаблоны. В парламентской речи это, например, *люди доброй воли*, *прогрессивная общественность*, *мировая закулиса*, *реакционные круги*, *жёлтая пресса*. Сравнение идеологем в немецкой и русской публичной парламентской речи показывает, что среди них преобладают полные межъязыковые семантические соответствия, например, *geplünderte Klassen* – *ограбленные классы*, *Massenarbeitslosigkeit* – *массовая безработица*. Политические клише используют в парламентской речи для того, чтобы однозначно, притом в краткой форме определить и дать оценку обсуждаемым идеям, субъектам или явлениям. В парламентском дискурсе идеологемы и клише могут выступать как речевые стереотипы, имеющие референцию к прецедентным текстам и тем самым придающие производству и восприятию смысла речи автоматизированный характер. Идеологизированные речевые штампы занимают важное место и в немецкой, и в русской публичной парламентской речи.

Это, например, *взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство*, имеющие положительную коннотацию, и штампы с оценочной семой отрицательной коннотации: *национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм*. Некоторые слова с устойчивой положительной и отрицательной оценочностью обозначают идейно ценностные, но не привязанные к идеологии определенной партии понятия. Так, депутат Барцель в одном из своих выступлений упрекает собеседника в том, что ему свойственна *„eine Moral zur Auswahl“: Wenn wir etwas machen, ist es verwerflich, wenn Sie das Recht anwenden, ist das natürliche Moral. Das ist eine doppelte Moral und verrät – es tut mir leid – eine gespaltene Zunge*.

Как не привязанные к идеологии той или иной партии и к ее политике (обозначающие «надпартийные» понятия) выступают одинаково рекуррентные в русской и немецкой парламентской речи обозначения высших человеческих ценностей: *Zukunft – будущее, Freiheit – свобода, Frieden – мир, Menschenwürde – человеческое достоинство, Volk – народ, Bildung – образование, Wohlstand – благосостояние, Kultur – культура* и многие другие.

В противовес словам, обозначающим положительную оценку или имеющим положительные коннотации, *Scheltwörter – «ругательные слова»* используются для обличения позиции политического противника. Использование инвектив, оскорблений личного характера в парламентском общении является, согласно регламенту, неприемлемым. Поэтому гораздо более рекуррентными в публичной парламентской речи являются намеки, например: *Если вы не слышали, Борис Сергеевич, у меня есть тогда рекомендации по поводу слуха, просто неудобно мне вслух говорить, я вам потом в кулуарах скажу*.

Однако для некоторых парламентариев (как немецких, так и русских) именно резкие выпады против оппонентов, угрозы и инвективы являются особо характерным индивидуализирующим признаком речевого поведения. Приведем примеры:

Es ist eine Unverschämtheit, in welcher Art und Weise Sie hier eine Persönlichkeit durch die Jauche ziehen! (представитель партии «Зеленых»);

Я тоже настаиваю, чтобы таких губернаторов гнали к чертовой матери, это опричники времен Средневековья! (депутат Колосов);

Поэтому давайте кончать здесь с этим идиотизмом – со шпиономанией (депутат Митрофанов).

Носителями немецкого и русского языков одинаково широко используются *слова-темы, слова-лозунги, слова-знамена и программные слова*, посредством которых отображаются понятия, находящиеся в фокусе внимания говорящего.

Функционирование публичной парламентской речи непосредственно связано с широким использованием политической риторики. Современные требования к форме и стилю публичной парламентской дискуссионной речи достаточно строгие как в Германии,

так и в России. Выступая перед компетентными слушателями-членами парламента публично, оратор должен тщательно обосновывать каждый выдвигаемый тезис, логично излагать мысли, умело использовать риторические фигуры речи. В Германии, где еще до учреждения парламента в 19-м веке существовали политические собрания, как например, рейхстаг Святой Римской Империи Немецкой Нации, формировалось церковное и светское красноречия. Принципы и механизмы публичных дискуссий вырабатывались в церковных общинах, в судах, административных учреждениях и в университетах. Именно благодаря этому создавались образцы риторики, *gesprächsorganisatorische Muster* – модели ведения дискуссии, институциональные акты предоставления слова, внесения предложения, обращения с ходатайством – *spezielle, elementare Muster* [6].

Как зарубежными, так и отечественными исследователями неоднократно отмечалось, что по сравнению с парламентами более ранних созывов количество используемых в парламенте риторических фигур уменьшилось [3; 6]. Наиболее рекуррентными являются следующие.

Риторический вопрос. Характерной чертой риторических вопросов публичной парламентской речи является условность употребления грамматической формы и интонации вопроса: ответы на них, по существу, не требуются, например: *Frau Hamm- Brücher, ich möchte Sie fragen: Wie können Sie in dieser Debatte die Behauptung aufstellen, eine Entscheidung des Parlaments nach Artikel 67 des Grundgesetzes verstoße gegen moralische oder sogar christliche Grundsätze?*

Говорящий подразумевает: *Вы не сможете сделать этого при любых условиях.*

Эмоциогенность риторических вопросов, используемых для усиления выразительности предыдущей или последующей утвердительной или отрицательной фразы, подтверждается фиксируемой в стенограммах заседаний эмоциональной вербально-невербальной реакцией аудитории, например: *...для чего мы здесь – чтобы слушать ложь, клевету? Мы здесь для чего?! (Сильный шум, гул в зале. Аплодисменты.) Чтобы слушать эти больные фантазии?! (Шум в зале.)* Риторический вопрос – особенно часто встречающаяся в публичной парламентской речи риторическая фигура, причем его использование не обусловлено какой-либо национально-культурной спецификой.

Паралинс имеет целью обратить особое внимание на предмет, который адресаты не замечают или хотят не заметить, намеренно обойти его обсуждение: *Zu diesen Fragen[Frieden durch Abschreckung] habe ich hier in früheren Debatten gesprochen. Ich will das nicht wiederholen, aber ich sage mit Bedacht dieses persönliche Wort.*

Herr Kollege Mischnick, ich nehme das hier und dort von dem einen oder anderen im Zorn gesprochene Wort vom Verrat nicht auf. Aber ich nehme nichts davon zurück, ich streiche nichts

davon ab, dass Sie und Ihre Freunde die Bürger 1980 gebeten haben, Bundeskanzler Schmidt neben Vizekanzler Genscher zu wählen. Das ist so.

Повтор резюмирует предшествующую часть, содержащую смысловое ядро высказывания, например: *А я хочу сказать, говоря о честности и справедливости (шум в зале), говоря о честности и справедливости, я ещё хочу сказать несколько, на мой взгляд, очень важных вещей.*

Повтор особенно важен во время шума или выкриков из зала, например: *Steht darin etwas von „Ausgaben kürzen“? Nein! Da steht: Ausgaben erhöhen.*

Еще один из видов повторов, использующихся как в немецкой, так и в русской публичной парламентской речи – *параллелизм*. Параллелизм имеет вид анафоры или единоначалия – стилистической фигуры, состоящей в повторении звуков, слов, группы слов или в создании параллельного ряда грамматических структур, а также в повторении относительно самостоятельных отрезков речи: *Unser Volk wählt Abgeordnete. Unser Volk wählt am Wahltag nicht den Kanzler; Спросите людей, выйдите на любую улицу, зайдите в любой дом – из десяти девять вам будут плевать в лицо: вас вся страна ненавидит! Поэтому лучше молчите, пока мы с Зюгановым чуть-чуть добрее к вам относимся. (Смех, оживление в зале.) Как только разозлите – вам конец!*

Параллелизм может также быть эксплицирован одновременно с *градацией* (кульминацией) – фигурой речи, в которой каждая последующая часть оказывается более насыщенной, более выразительной или впечатляющей, чем предыдущая: *...mehr Staat, mehr Bürokratie, mehr Kollektivismus, mehr Anonymität in Verwaltung, in Schule, in Krankenhäusern. Diese Republik gehört nicht Helmut Schmidt und nicht mir, aber auch nicht Ihnen und Herrn Barzel oder Herrn Strauß. Sie gehört auch nicht unseren Parteien.*

Хиазм (обратный параллелизм) заключается в крестообразном изменении последовательности элементов в двух параллельных рядах слов, могут служить следующие высказывания: *Das Volk ist nicht für die Parteien und für die Parlamente da. Wir haben für das Volk dazusein; Научитесь давать оценку в выступлениях, а если не тянете на руководителя фракции, научитесь сперва быть достойными этой должности!*

Подхват – вариант повтора с дальнейшим смысловым развитием темы: *Sie verstehen doch was von Absurdistan! Sie sind doch der Meister von Absurdistan!*

Повтор может охватывать многочастное высказывание, заключая его в своеобразную рамку (рамочный повтор): *Вот сделайте замечание депутату Красову: он там чего-то мне про какой-то звёздно-полосатый флаг порекомендовал... Что это такое?! Сделайте ему замечание!*

Как в русскоязычной, так и в немецкоязычной публичной парламентской речи активно используются приемы аргументации. К числу наиболее рекуррентных относится *апелляция к авторитету*, например: *Ich empfehle Ihnen den Beitrag des Präsidenten der Deutschen Bundesbank, Professor Weber, in der „Süddeutschen Zeitung“ von heute. Er schreibt, dass die Philosophie von SPD und Grünen (...) absolut falsch ist.*

Для апелляции к авторитету, в качестве которого выступает «Другой», в публичной парламентской речи используется цитирование, например: *Они, коммунисты-депутаты, писали: «освободить преступников от меры пресечения ‘содержание под стражей’»!*

Наиболее распространенными прецедентными текстами, использующимися при цитировании в Бундестаге и Госдуме, являются тексты законов, проектов законов, документы партий и коалиций. Кроме того, депутатами Бундестага цитируются тексты Библии, философские тексты и произведения классической литературы. В обоих парламентах цитировались фрагменты предшествующих речей депутатов и тексты СМИ. Наименее значительную группу составили цитаты известных отечественных и зарубежных политиков прошлого, поэтов и писателей – так называемых «лидеров мнений».

Прием изолирования заключается в том, что выразитель защищаемой позиции дистанцирует себя и своих сторонников от своих оппонентов. Прием апелляции может использоваться для *самолигитимации*:

Я, кстати, имею право дать такое поручение комиссии, это мое полномочие как ведущего.

Менее рекуррентным является прием *апелляции к чувствам*: *Die Folgen Ihrer verfehlten Steuerpolitik, die Sie zu verantworten haben, auf dem Rücken der Ärmsten ausgetragen werden. Mir steigen die Tränen in die Augen, wenn ich das sehe. Es ist höchste Zeit für einen politischen Kurswechsel in diesem Land.*

Прием апелляции к факту не столь часто используется в немецкой, как в русской публичной речи. Следуя этому приему, оратор привлекает статистику и опирается на цифры и факты: *«По-моему, каждого гражданина страны можно привлечь к ответственности. Представьте себе ситуацию, человек продаёт свою квартиру за 1 миллион рублей – это не такая большая стоимость для квартиры – и не подал декларацию, – не уплатил 13 процентов налога. Он может сесть в тюрьму, потому что 13 процентов – это 130 тысяч рублей»*; *«Die Statistik ergibt, dass jetzt 5,2 Millionen Menschen arbeitslos sind. Damit sind genauso viele Menschen arbeitslos oder Sozialhilfeempfänger wie 1998 am Ende der Ära Kohl. Das ist die Situation».*

Широко распространен и прием *аналогии*. Благодаря проведению аналогий высказывания приобретают большую убедительность. К тому же, если они остроумны, то

надолго остаются в памяти аудитории и могут в дальнейшем цитироваться. Не менее распространен противоположный прием *контраста*, прежде всего – в репликах:

– *Lieber Herr Niebel, Sie stolzieren zwar mittlerweile wie King's Majesty durch diese Räumlichkeiten.*

– *Und Sie wie die Prinzessin auf der Erbse!*

Необходимо отметить, что степень логической аргументированности выступлений депутатов обоих парламентов в разных жанрах различна: она варьируется от полного отсутствия аргументов до наличия достаточно весомой доказательной базы. Так, не все реплики обвинения являются в полной мере аргументированными; одни из них используются для порицания, другие для доказательства вины оппонента, а третьи для его дискредитации, например: *Олег Викторович, на мой взгляд, совершенно неправильно то, как вы реагируете на выступления депутатов, в частности, депутата Рябова, практически давая команду комиссии. Ну есть какие-то приличия парламентские, в конце концов!; Lassen Sie doch bitte das falsche Lob für die erneuerbaren Energien, und sagen Sie den Menschen ehrlich, dass Ihr Energiekonzept Atomkraft heißt!*

Существенным моментом пленарных заседаний в Госдуме и Бундестаге является полемика. Полемическую ситуацию пленарных заседаний отличает публичность, наличие определенного предмета спора, полемизирующих сторон и «арбитра», контролирующего его ход и определяющего очередность выступлений спорящих – председательствующего заседания Госдумы (в Германии – президента или старейшины Бундестага). Полемистами активно используются захват инициативы, внезапность в использовании имеющихся в распоряжении спорящих доводов, в том числе и психологических, навязывание своего сценария спора и т.п. *Разоблачительная полемика* служит цели развенчания идей и доводов оппонента: *Wenn ich mir Ihren Antrag anschau, dann muss ich feststellen, dass Sie schon an der Analyse scheitern. Denn in Ihrer Analyse sprechen Sie nur von den privaten Banken, die nach Ihrem Duktus Verursacher der Krise sind. Tatsächlich vergessen Sie einen ganz entscheidenden Teil des deutschen Bankensystems, der ebenfalls zur Schiefelage beigetragen hat.*

Этот вид полемики может иметь резкий тон, часто насмешливый или даже гневный: *Все! Вот: в суд пойдете! Вот видите, вот, пожалуйста, видите. А я ведь из чего исхожу? Пресса писала. Я же не стою около вашей кровати: с кем вы там общаетесь, кто из вас ногами дергает, кто руками. В ЛДПР с руками, ногами нормально, а вы же только так можете, да.*

Товарищеская (коллегиальная) полемика направлена на убеждение коллег и соратников путем раскрытия ошибочности их представлений и устранения заблуждений;

цель *критической полемики* заключается не в том, чтобы разгромить оппонента, а убедить его с помощью фактов и аргументированных доводов:

Ich möchte noch eine persönliche Geschichte erzählen: Zum Ende meiner ersten Schwangerschaft vor fünf Jahren wurde ich immer nervöser. Am Tag X wollte ich meiner Hebamme das Versprechen abringen, dass alles gut gehen wird. Ich wollte das einfach vorher noch einmal hören. Ich habe erwartet, dass sie sagt, es werde alles gut. Sie sagte dann aber: Das kann ich dir jetzt nicht versprechen. Ein bisschen Gottvertrauen gehört auch noch dazu. – Selbst wenn eine Schwangerschaft sozusagen perfekt verläuft und die Schwangere regelmäßig untersucht wurde, können wir nicht garantieren, dass es während der Entbindung nicht doch noch zu Schäden kommt. Das ist für mich ein Argument, zu sagen: Wir haben es nicht zu 100 Prozent in der Hand.

В полемической парламентской речи выделяются средства словесной атаки и контратаки, которые рассчитаны на победу в споре в данный конкретный момент времени. Немецкие авторы их обозначают как *слова контрудара – Gegenschlagwörter*. В целом в полемике в обоих сравниваемых парламентах четко разграничиваются корректные и некорректные способы ведения спора и приемы, использование которых разоблачается оппонентами. Софизмы – уловки, умышленные ошибки, опирающиеся на подмену понятия, на разные значения слова, вызывают неодобрительную невербально-вербальную реакцию аудитории. Возможно потому, что в политическом дискурсе, в том числе – в публичной парламентской речи широко используются лозунги, шаблонные выражения и клише, его критикуют отдельные исследователи как пустой и бессодержательный [6], или, напротив, слишком заумный. Однако рассмотренные примеры демонстрируют богатство и индивидуальность немецко- и русскоязычного публичного парламентского общения.

Проведенное комплексное сравнительно-сопоставительное исследование подтвердило в целом, что выявленные признаки немецкоязычной и русскоязычной публичной парламентской речи не случайны, но характеризуют общие закономерности публичной мыслеречевой деятельности. К числу универсальных признаков публичной парламентской речи следует отнести то, что она реализуется в жанрах доклада, выступления, вопроса и реплики, обусловленных общей коммуникационной целью парламента как социального института, регламентом процедуры пленарного заседания и стандартными формами осуществляемого в его ходе коммуникативного обмена. Индивидуализирующими признаками являются особенности парламентских ритуалов и национального речевого этикета, а также и системно-структурные особенности немецкого и русского языков. Выбор оценочных средств общения участниками пленарных заседаний обоих парламентов обусловлен их мировоззрением, этнонациональными ценностными

системами, разделяемой ими или чуждой им системой идеологических, духовных и культурных ценностей других наций.

Список литературы

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963. – 384 с.
2. Вайсбергер Й. Л. Язык и философия // Вопросы языкознания. – 1993. – № 2. – С.114-124.
3. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.
4. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 2006. – 656 с.
5. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине. – М., 1996. – С. 47-96.
6. Burkhardt A. Das Parlament und seine Sprache. Studien zu Theorie und Geschichte parlamentarischer Kommunikation. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2003. – 608 p.
7. Ehlich K., Rehbein J. „Sprache in Institutionen.“ In: Hans Peter Althaus, Helmut Henne, Herbert Ernst Wiegand (Hrsg.): Lexikon der germanistischen Linguistik. – Tübingen, 2. vollständig neu bearb. u. erw. Aufl., 1980. – P. 338-345.
8. Habermas J. «Was heißt Universalpragmatik?» / J. Habermas // Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns, Frankfurt am Main: Suhrkamp. – 1984. – P. 353-440.
9. Strauß G., Haß U., Harras G. Brisante Wörter von Agitation bis Zeitgeist. Ein Lexikon zum öffentlichen Sprachgebrauch. – Berlin; New York, de Gruyter Verlag, 1989. – 778 p.

Рецензенты:

Артемова Анна Федоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода, ФГБОУ ВПО Пятигорский государственный лингвистический университет, г. Пятигорск.

Шлейвис Повелас Ионович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», г. Пятигорск.